



Василий Андреевич Гурковский

Родился и вырос в селе (ныне город) Слободзея на Днестре. Прямой потомок казаков-запорожцев, поселившихся в Поднестровье в конце 18 века.

Два высших образования, экономист-юрист, кандидат экономических наук, профессор Международной кадровой Академии, академик, действительный член Украинской технологической Академии.

Начал работать с 14 лет. 5 лет отработал в МТС (машинно-тракторной станции) трактористом, комбайнером, водителем. 5 лет отслужил в рядах Советской Армии (курсант, командир взвода, освобожденный комсорг войсковой части).

Много лет руководил экономическими службами:

- 12 лет – колхоза, в Казахстане;
- 10 лет – района, его родного, Слободзейского, равного которому по экономической мощи в СССР в то время не было;
- 6 лет – НПО (научно-производственного объединения) «Днестр» в г. Тирасполе;

– 4 года – Министерства сельского хозяйства ПМР (г. Тирасполь);
– 5 лет работал в Верховном Совете как депутат и председатель комитета по вопросам агропромышленного комплекса (г. Тирасполь). В течение пятнадцати лет (включая совместительство) преподавал в Приднестровском государственном университете и в филиалах других ВУЗов как доцент. В общей сложности его трудовой стаж уже составляет более 60 лет.

Заслуженный работник сельского хозяйства. Заслуженный деятель искусств.

Один из первых организаторов возрождения Черноморского казачьего войска. Первый кошевой атаман войска. Казачий полковник.

Кавалер 22 орденов и медалей различных достоинств. Кавалер ордена «Казачья слава» всех трех степеней.

Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников прозы и поэзии, а также около ста разноплановых песен (слова и музыка).

Победитель многих творческих конкурсов.

В настоящее время проживает в Москве.

Об авторе

Василий Андреевич Гурковский – писатель, публицист, поэт-песенник. Автор 17 книг прозы и поэзии и около ста разноплановых песен на его слова и музыку. Более подробно с его творчеством можно ознакомиться на персональном сайте – <http://gurkovskiy.ru>

«Лебединское» гнездо

(Пролог)

А как хорошо, оказывается, просто выйти на свежий воздух из душной маленькой кузницы! Как Григорий этого раньше не замечал? Или просто не чувствовал этой разницы все эти годы?!

Он расправил плечи, глубоко вздохнул, выдохнул и чуть не захлебнулся от заполнившей его всего какой-то непонятной

внутренней радости. Весь окружающий его мир был голубым и зеленым! Все видимое пространство разливалось яркой изумрудной зеленью разнотравья с темно-зелеными вкраплениями одиноких деревьев по балкам и оврагам. И вся эта тянущаяся к солнцу жизнь была заботливо прикрыта сверху огромной, прозрачной, без единого облачка, голубой чашей неба... Родная земля, какая же ты все-таки прекрасная! И вроде бы ничего особенного вокруг нет, все как обычно, все как каждый день, но эта красота, эта насыщенная родными запахами тишина и спокойствие, это желание и радость жизни можно чувствовать только на своей земле...

Григорий даже удивился своим «некузнечным» мыслям, подошел к вкопанному в землю справа от кузницы длинному дубовому столу и сел на одну из тоже длинных скамеек. Осмотрелся. Вроде бы все на месте, и день сегодня был не особенно напряженный, только очень жаркий, но что-то его беспокоило изнутри, беспричинно, но настойчиво. Непонятно, откуда могло это беспокойство взяться. Вокруг ни души, до города больше тридцати верст, до ближайшего села – десять. Рядом проходит старый чумацкий шлях, так сейчас не сезон за солью ездить. За неделю, хорошо, если одна повозка пройдет или пеший кто. Григорий еще раз осмотрел своё хозяйство и еще раз почувствовал радость оттого, что он находится именно здесь, на этом месте...

Вспомнил добрым словом покойного отца, Петра, и давно покинувшего эту землю деда Гавриила. Именно благодаря им обоим Григорий сегодня здесь и наслаждается такой простой и такой прекрасной человеческой жизнью. Без их участия не было бы ни этого замечательного райского места, да и самого Григория, и его отца – тоже... Дело в том, что все предки Григория, по крайней мере пять-шесть предыдущих поколений, были казаками Запорожской Сечи, в разные времена менявшей название и местоположение.

«Сичевым» (строевым) казакам запрещалось жениться и завязывать любые внебрачные связи с женщинами. Соответственно, у них не могло быть детей. Это было общее препятствие для появления на свет Григория и его отца, но было и еще одно, не менее главное препятствие, касающееся чисто семьи Лыбидь (по-русски – «Лебедь»): все мужчины семьи были могучими богатырями, под два метра ростом, обладающими невероятной физической силой. Как бы это странно ни звучало, но именно этот фактор по счастливой случайности и стал определяющим во всей дальнейшей жизни семьи Лебедей. Они, начиная с Гавриила, поменяли свои острые сабли на тяжелые молоты и стали кузнецами, образовав постепенно знаменитую кузнечную династию...

А начиналось все случайно и просто. Во времена еще Чертомлыкской Запорожской Сечи её атаман, знаменитый и «непобедимый» Иван Сирко, подписавший в свое время неприятное письмо запорожцев турецкому султану, проезжая мимо плаца, где обучались военному искусству новобранцы-казаки, увидел, что среди молодежи один парень слишком уж выделяется своими габаритами.

Сирко спросил у местного есаула, что это за парень там, между новобранцев. Есаул ответил, что это Гаврило Лебедь, пришел в казаки по возрасту, и что он сын куренного атамана Лебеда. «Того, что ходил в морской поход и погиб в первом же бою?» – уточнил Сирко. «Да, того самого!» – ответил есаул. Сирко схватил есаула за ворот свитки, притянул к себе и зло сказал: «Так ты что, негодный батько казачий, хочешь, чтобы и этого парня в первом же бою угробили?! Его ж ни верхом, ни пешим нельзя в бой посылать, это же живая мишень, и враги из любого оружия будут по нему первому стрелять! Неужели ты не понимаешь этого?!» Увидев через площадь кузницу, атаман добавил: «Сейчас же иди сам, заberi этого парня от

строевиков, отведи в кузницу, и готовьте из него кузнеца. Там его место, а не в строю. И смотри у меня, я проверю!»

Так, с легкой руки лихого атамана, Гавриил стал кузнецом, потом кузнецом стал его сын, Петр, и вот уже столько лет продолжает их дело он, Григорий... Непростую науку работы с металлом они перенимали друг у друга, каждое новое поколение вырастало у кузнечного горна родителя. Кузнецы Лебеди уже сотню лет держали свою высокую марку, и если бы время было другим, возможно, и жизнь этой семьи шла бы по-другому. Но время тогда было таким, как было, и очень непростым для запорожского казачества.

Запорожскую Сечь за сто предыдущих тому лет громили не раз и окончательно уничтожили её как «государство в государстве» всего несколько лет назад. Григорию повезло. В его кузницу в Чертомлыке, где он работал ещё вместе с отцом, за пару месяцев до последнего «сичевого» разгрома пришел местный окружной атаман, ровесник и старый друг отца. Он по секрету сказал, что, по его данным, царские войска скоро будут в «Новой (Подпольненской) Сечи, и посоветовал им обоим побыстрее убраться отсюда куда-нибудь подальше.

Посоветовал даже куда. Есть, мол, одна старая бывшая казацкая сторожка, на север от Никополя. Там на холме в прежние времена стояла деревянная сторожевая вышка Кодакской паланки запорожцев, а рядом – небольшой домик, где сторожевые казаки отдыхали и грелись. Вышка давно разрушилась за ненадобностью, а домик, хоть и неважный, но остался. Ну, если отец и сын Лебеди... внесут определенную сумму в пользу местного атаманства, то и домик им будет официально отписан, да еще возле него будет (и тоже официально) выделено определенное по правилам Сечи такое-то количество земли – в виде пожизненного надела.

Выслушав атамана, которому полностью доверяли, отец и сын на второй день взяли с собой окружного атаманского писаря и

отправились на указанное атаманом место. Осмотрели, обмерили, нарисовали и описали. А еще через день, заплатив, что было предложено, в кассу округа, оформили и получили на руки необходимые документы...

Атаман прямо сказал: «Пока у меня есть право и печать в руках – сделаем все как надо», и слово сдержал. А отец с сыном, быстро собрав кузнечное оборудование и необходимую утварь, под предлогом переезда в другое село продали помещение кузни и откочевали на новое место...

Все бы ничего, но Петр (отец), недавно похоронивший жену – мать Григория, после продажи своей кузницы и переезда сына как-то сразу обмяк, заболел и не переехал с Григорием к новому месту, остался в своем чертомлыкском доме, а через месяц – ушел из жизни. Похоронив отца рядом с матерью и дедом, Григорий окончательно переехал на свое новое место жительства. Больше его ни в Чертомлыке, ни в Никополе ничего не держало. Надо было не только думать, а и что-то конкретно делать, чтобы закрепиться на практически пустом месте и – одному. Людей рядом не было, ни своих, ни чужих, зато была рабочая лошадь, собака и кошка. И то слава Богу – не один...

Небольшой, сложенный из пластинчатого камня домик стоял на юго-западном склоне невысокого холма. Но так как кругом – до самого Днепра на востоке и юге и до самой бесконечности на западе – была равнина, то этот холм как-то так довольно прилично выглядел над всем этим пространством...

Холм по форме был похож на круглую шляпу с широкими полями. Через него проходил шлях (дорога).

Она шла прямо на холм, но перед самым подъемом слегка огибала вершину слева, там был более пологий подъем, а потом снова выравнивалась и шла дальше, в сторону строящегося на правой

стороне Днепра нового города, Екатеринославля. До него от того холма оставалось верст пятьдесят...

Если смотреть на север, то в нескольких десятках метров от огибающего холм шляха, правее, начиналось нынешнее хозяйство Григория...

И сегодня, сидя на длинной скамейке возле своей кузницы, он мельком вспоминал, как приехал сюда один, на пустынное дикое место. Как устраивал кузницу в бывшей казацкой сторожке, как первые два года в кузнице и жил. Как был бесконечно благодарен природе и покойным ныне отцу и его другу-атаману за это чудесное райское место. Первой драгоценностью была, конечно, казацкая сторожка – древняя, но крепкая, Дверь и два окна её смотрели на юго-восток, так как именно оттуда в прежние времена совершали набеги ногайцы, татары и турки. Весь день домик освещало солнце – от восхода до заката.

Левее домика, в котором сегодня размещалась кузница, почти под самой вершиной холма – бил мощный родник с ледяной вкуснейшей водой. Григорий почти месяц приводил его в порядок, когда приехал. Причем и начинал благоустройство с родника. С воды – жизни. Он расширил и углубил родниковое гнездо, чуть ниже и правее выдолбил в камне большое длинное подобие корыта, чтобы поить животных не из родника непосредственно, затем рядом с родником выдолбил в камне колодец метра три глубиной, чтобы не иметь проблем с водой зимой, когда родник перемерзал. Поставил там мощный сруб с деревянным воротом, большой металлической ручкой и крышкой. Левее родника природа посадила вербу. К приезду Григория на поселение верба уже имела метров пять в высоту, а сегодня – поднялась на все десять. Еще правее, по боковине холма, стояла сегодня кузница. Прямо перед ней, метрах в десяти, возвышался тоже посаженный природой огромный,

наверняка столетний дуб. Своей прохладной тенью дуб прикрывал и кузницу, и многометровое пространство возле неё. Между кузницей и дубом Григорий смастерил длинный грубый стол из дубовых досок, а по обеим сторонам стола поставил лавки из таких же досок. Это для гостей – посетителей-заказчиков, да и для себя тоже, вот как сейчас – посидеть в тенечке, отдохнуть, помечтать и вспомнить...

Еще правее, в нескольких десятках метров, сегодня стоит их дом, потом еще дальше – большой, орошаемый из родника по придуманной Григорием естественной системе орошения сад-огород, а раньше там были непроходимые заросли кустарника и старой травы...

Григорий сидел за столом, сцепив пальцы рук и с закрытыми глазами, передвигал в памяти картинки недавно промелькнувшей части его жизни, радовался, что очень вовремя решился уехать из самого пекла, жалел попавших в непонятый переплет, осужденных и жестоко наказанных товарищей и знакомых...

Его оторвал от воспоминаний голос жены: «Гриша! Иди обедать!» Жена... И тут Григорию тоже повезло. Как человек искренне, но не фанатично верующий, он по несколько раз в году ездил на подводе в ближайшее село, где была церковь. На Рождество, Пасху, Троицу – обязательно. Поминал родителей, сам молился. Где-то на второй год своего переселения поехал в церковь на Пасху. Когда стоял на Всенощной, увидел рядом молодую девушку. Она тоже его заметила. Еще бы не заметить – он на две головы выше большинства присутствующих. Повернувшись лицом к лицу, они с минуту взволнованно рассматривали друг друга и, ни слова не сказав, отвернулись.

После окончания всех обрядовых процедур и обхода вокруг церкви Григорий пошел к выходу из церковного двора, продуктов для освящения у него не было, а конь с повозкой был привязан у

церковной ограды. Люди начали расходиться по домам – разговляться. Возле выхода у ворот стояла Она. Григорий подошел к ней, сказал: «Христос Воскрес!», она ответила: «Воистину воскрес!», а потом они обнялись... и поцеловались. Григорий как пушинку, как хрупкую сосульку, как нежнейший цветок, оторвал её от земли и прильнул к её губам, забыв про все на свете и про окружающих их людей. Не было ничего: ни холодной сторожки, ни казненных друзей и ничего на свете, зато была – Она!

Отдышавшись, Григорий спросил: «Как зовут тебя, дивчина?» – «Мама кличет Палашкой», – ответила девушка. «А где ты живешь?» – «А вот там, третий дом от переулка». Многие хотел ей сказать тогда Григорий и многое хотел сделать, но не хватило у него чего-то. Он поклонился девушке, сказал: «До свидания», отвязал коня и полетел, как ему казалось, на свой холм.

Было уже почти утро, Григорий лежал с открытыми глазами и шептал: «Паня, Панечка, Панюшечка». Пока незаметно все-таки заснул... К обеду встал, помылся, почистился сам, почистил коня после ночной дороги, достал мамино обручальное кольцо, одну из домашних иконок и снова поехал в село. Перед выездом посмотрел на себя в осколок зеркала, довольно хмыкнул: «Ничего себе парубок – под сорок лет!»

Приехал в село. Улицы пустынные. Пасха, люди разговелись и отдыхают. К вечеру по родне, по гостям пойдут. Григорий подъехал к дому, указанному девушкой на рассвете. Привязал коня, постучал. Дверь открыла женщина, по возрасту чуть постарше Григория. Похристосовались. Он, волнуясь, сказал: «Я Григорий, кузнец, недавно поселился в бывшей сторожке на шляху». Женщина, ничего не подозревая, пригласила его в дом. Уже много позже она расскажет, что как только увидела на пороге «великого» мужика – сразу не поняла, а почувствовала, что это её зять...

Григорий вошел в большую комнату. «Большой» она была относительно, потому что, даже сняв шапку, он почти упирался головой в потолок. В комнате находились пятеро: мать, три её дочери, старшая из которых была замужем и сидела рядом с молодым парнем, как позже выяснил Григорий – мужем, средней дочкой была его знакомая по церкви, и была еще младшая, миловидная девушка лет 17–18. Поздоровались, похристосовались, Григорий повернулся к матери и без всякой предварительной подготовки проговорил: «Знаете, мама, у меня здесь нет никого из близких людей: ни родителей, ни сестер-братьев, ни знакомых, – никого. Поэтому я пришел сам и прошу вас: разрешите мне обратиться к вашей средней дочке, Пелагее». Мать, не понимая, в чем дело, ничего не ответила, только кивнула головой.

Григорий повернулся к иконе, перекрестился, затем встал перед девушкой на одно колено, он и в таком положении был с нею на одном уровне, и сказал: «Панюшка, ты меня не знаешь, но я вот весь перед тобой и хочу спросить тебя – согласилась бы ты перед Богом и перед людьми стать моей законной женой? У меня нет времени на завлечения и ухаживания, поэтому прошу тебя: ответь мне сразу, сейчас, если посчитаешь ответ нужным». Он сказал это так, что у всех присутствующих перехватило дыхание, а на глаза накатились слезы. В возникшей тишине все услышали вздох Пелагеи:

«Благословите, мама, я согласна!»

Не вставая с колена, Григорий повернулся к матери, достал из кармана кольцо, протянул его Пелагее и тоже сказал: «Благословите нас, мама, мы согласны оба!» Растерянная и счастливая мама соединила их руки, обняла обоих вместе и просто сказала: «Живите, дети. Живите долго и счастливо и всегда будьте вместе, как бы вам ни было – хорошо или плохо, но вместе... А мы всегда будем с вами рядом, пока нашего веку хватит»...

Потом набежало много гостей, праздник все-таки и люди были дома, а закончилось все тем, что поздним пасхальным вечером Григорий привез домой родного для себя человека, которого ждал всю жизнь. Вместе с женой прибыли петух, две курицы и коза. Мама пообещала подарить еще пару поросят, когда свинья опоросится. Дала им постельное белье, лоскутное одеяло и пару шитых ковриков под ноги.

И пошла новая жизнь на холме. Григорий и Паня (так он её называл) прямо с весны начали готовить себе жильё – неприятно и тесно жить к кузнице. Они насобирали камней, выложили довольно высокий фундамент, закопали по периметру крепкие столбы, затем сплели из лозняка стены, потолок, перестенки. Потом собрали всех родных в селе, сделали несколько замесов глины с соломой и все вместе завальковали все, что было заплетено. Когда подсохло – обмазали дом внутри и снаружи под доску, потом побелили, поставили двускатную камышовую крышу. Сложили печку. Григорий привез из города дверь и два окна, поставили, подкрасили. Домик получился на загляденье. Две комнаты, кухня, сени. Крыльцо каменное со ступеньками. Справили новоселье всей родней. Начали заводить хозяйство. Постоянно были вместе Григорий с Паней – и днем, и ночью. Дополняли один другого во всех делах. Одно было плохо – у Григория не было настоящей работы в кузнице. Так, по мелочам. А жить-то надо...

Вот и сегодня за полдня склепал одну развалившуюся лопату. Только горн зря раскочегарил...

Поднялся, хотел уже идти в дом, там жена с обедом ждалась, а он тут со своими воспоминаниями связался... как вдруг где-то за версту ниже холма, со стороны Никополя, начал доноситься какой-то шум, вроде как топот копыт, крики, гиканье, за пылью не разглядишь, чего там. Через некоторое время по дороге на холм выехало две кареты,

по шесть запряженных лошадей в каждой, в окружении большой группы верховых всадников, которые держали обе кареты в своеобразном кольце со всех сторон. Выехав на холм, кареты взяли правее и остановились рядом с родником и колодцем. Может, случайно увидели, может, кто-то знал это место. Из карет начали выходить люди. Все богато одетые, Григорий никогда еще таких напыщенных не видел. Они потянулись к колодцу. Несколько человек, возможно, слуг, принесли кружки, чаши, начали раздавать воду. Пассажиры шумели, смеялись, весело осматривались...

Григорий поднялся из-за стола, как был, в кузнечном фартуке, стоял напротив кузницы, не зная, что делать дальше – идти на обед или еще полюбоваться на приезжих, когда еще такое увидишь.

Вдруг от пьющих воду и ополаскивающихся от пота людей отделился солидный мужчина средних лет и направился в сторону Григория. Подойдя шагов за пять, мужчина спросил: «Кузнец?».

Григорий ответил: «Да». – «Беда у нас случилась, кузнец, – продолжил разговор мужчина. – Главная наша лошадь шла в пристяжке первой кареты. И то ли попала левой ногой в какую-то расщелину, или что-то еще случилось, но подкова выгнулась, два гвоздя выскочили – и лошадь теперь идти не может. Быстро перековать сможешь? Подковы у нас есть». «Смогу, конечно», – ответил Григорий. Мужчина пошел к каретам.

Через несколько минут двое богато одетых молодых людей привели прихрамывающую лошадь.

Посмотрев на коня, Григорий невольно им залюбовался: «Этому коню, наверное, и дену не сложишь», – и принялся за дело. Снял согнутую подкову, прочистил, где надо, копыто, достал специальные, еще от отца доставшиеся ковочные гвозди, взял принесенную новую подкову, отметил про себя: заводская, с клеймом, и начал прилаживать её к копыту. Он находился спиной к каретам и не

видел, как оттуда подошли еще двое мужчин, один большой такой, разодетый и симпатичный на вид, второй, наоборот, был маленького роста, с заискивающим взглядом, но тоже разодетый с ног до головы.

Большой внимательно смотрел за действиями Григория и, когда тот закончил, произнес: «Красиво работаешь, кузнец! Давно здесь поселился?» «Третий год», – поклонившись, ответил Григорий. Вельможе это понравилось. Он подошел ближе и спросил: «Как тебя зовут?» – «Григорий», – ответил кузнец. «Смотри, – сказал вельможа, – тезка, значит! Так знай, Григорий, – очень скоро эта дорога станет оживленной и у тебя будет много работы, так что – готовься, кузнец! И спасибо, этот, – он махнул в сторону коня, – мой давнишний друг». С этими словами он достал из кармана большую желтую монету, положил её на наковальню, потом повернулся и пошел к каретам. Молодые офицеры повели туда же перекованного коня.

Григорий осмелился спросить у одного из них: «А кто этот господин, что говорил со мной?» Тот усмехнулся и произнес: «Ты что, не знаешь? Это же батюшка наш, князь Григорий Потемкин! Слышал про такого?» Потрясенный всем происшедшим, Григорий не вымолвил больше ни слова. Он стоял и смотрел, как пассажиры заполняли кареты, как окружили кареты десятки молодых офицеров верхом на замечательных лошадях, как потом вся эта кавалькада тронулась в сторону того самого нового города, Екатеринославля, обогнула холм и спустилась в долину, уже с обратной его стороны. Опять стало тихо и жарко.

Григорию показалось, что он видел какой-то сказочный сон и ничего подобного не было и быть не могло, но... в руке он держал какую-то диковинную монету, а рядом с наковальней лежала замененная изогнутая подкова заводского изготовления...

Григорий стряхнул с себя нахлынувшую блажь, поднял подкову, выровнял её молотком и прибил двумя большими гвоздями над дверьми в кузницу. На счастье... И пошел к своей Пане обедать и рассказывать, что с ним только что произошло. Она бы не поверила ни одному его слову, если бы на столе не лежала сверкающая монета, скорее всего, иностранная, с выдавленной на одной из сторон головой, наверное, какого-то царя или короля... Дорогая она или нет – неизвестно, но она была, и её можно было потрогать руками...

На другой день Григорий поехал на повозке в Никополь. Там нашел старого товарища, тоже кузнеца, Степана. Тот был постарше и одно время работал молотобойцем у отца Григория, Петра. Степан был кузнецом «товарным» – принимал заказы у торговых людей на различные виды кузнечной продукции и мастерски их исполнял. Тем и жил.

Григорий рассказал все о том, что случилось вчера у его дома, и показал подаренную князем монету. Степан, имея постоянные отношения с торговым людом, многое знал – что, где, почем, как и у кого, поэтому спросил: «Что тебе надо в первую очередь?» Григорий ответил, что кроме наковальни, ему надо практически заменить все оборудование и инструмент в кузнице, набрать в запас металла разных профилей и пока все.

Степан сказал, что все понял, и добавил: «Я не знаю, насколько ценна эта монета, но постараюсь что-нибудь узнать об этом.

Помнишь, в Чертомлыке шинок держал Мойша Юзефович? Так вот он теперь здесь, в Никополе. Когда громили Сечь, многие люди бежали, бросали все или отдавали почти даром, а Мойше что, ему что казацкая власть, что царская, какая разница, лишь бы голову людям дурить да барыш иметь. Так он в то время скупал за бесценок все, что попадалось, – лавки, шинки, жильё, склады всевозможные,

даже с товарами, мастерские разные, небольшие заводики – свечной, канатный, кирпично-черепичный; в общем, на чужих бедах здорово нажился. Сегодня у него и главная железная лавка. Там есть для кузни почти все. – И добавил: – Вот, Гриша, мы с него и начнем. Посмотрим, что он нам скажет, и про эту монету – тоже. Тем более он меня хорошо знает. А ты просто молчи, пока я буду говорить. Просто стой и молчи, дави на него своей фигурой. Пошли. С Богом!»

Перед тем как идти к Мойше, они набросали примерный список самого необходимого для переоборудования кузницы Григория, решив, что все, что будет необходимо дополнительно, – решат на месте, увидев товар в наличии.

«Гриша! – еще раз напомнил Степан, – говорить с ним буду я. Постараюсь определить возможную ценность твоей монеты по его глазам... Ты только поддакивай, где будет надо».

Пришли к Мойше, тот знал их обоих, поэтому не удивился их приходу. Показали ему список. Степан тут же добавил, что список далеко не полный, будут дополнения – исходя из того, что есть у Мойши в наличии.

Мойша надел пенсне и внимательно изучил список-заказ. Потом положил его на прилавок и, прищурившись, спросил: «А знаете ли вы, господа кузнецы, сколько это все стоит? Тем более шо ви, как я понял, собираетесь приобрести и еще кое-что...»

«Знаем», – громко сказал Степан и, достав из кармана потемкинскую монету, показал её Мойше, внимательно вглядываясь в его лицо. Обладающий врожденным самообладанием негодяя, тот не смог справиться с эмоциональным внутренним взрывом удивления, жадность выплеснулась через его глаза, пусть на мгновение, но Степану этого хватило. Он понял, что теперь Мойшу можно доить. Он будет согласен на все, только чтобы не упустить такой момент.

Мойша тоже был не лыком шит, и, когда покупатели начали расширять список, уже на второй стороне листа, он заявил, что денег у них явно не хватит. Тогда Степан равнодушно сказал Григорию: «Забирай список – пойдём к Шлеме, здесь недалеко, у него тоже такого товара полно! Думаю, мы с ним быстрее договоримся...» Почувствовав, что они могут так и сделать, Мойша расцвел в широкой улыбке и сказал: «А и ладно, где наше не пропадало! Грех упустить таких крупных покупателей! Я согласен! И давайте по рюмочке за это выпьем!» Григорий уполномочил Степана проследить, чтобы все было в полном объеме и достойного качества, отгружено и привезено к нему в кузницу. Тот пообещал, что все будет как надо, и Григорий уехал домой, набрав у того же Мойши мелких гостинцев для Пани и её родни...

Уже через день к его кузнице подъехал Степан с двумя подводами товара. На одной было погружено все для кузницы – новые меха, вытяжная труба вместе с горном, молоты и молотки, всякие зубила и долота, клещи, кусачки и обхваты, различные кузнечные приспособления и инструменты для многих видов работ, в том числе паяльных. На другой подводе лежал металл. И полосовая сталь для ободов колес, и круглый заводской прокат разных диаметров, и листовые обрезки для изготовления лопат, сап-тяпок и еще много чего. Мойша не пожалел положить даже пару мешков древесного угля и мешок блестящего антрацита...

Степан, смеясь, рассказывал, что, когда он рассказал Мойше, что монету подарил сам Григорий Потемкин, лавочник от радости щедро одарил его, Степана, и написал бумагу для Григория, по которой тот может в любое время приехать на купленный Мойшей кирпичный завод, правда, он сейчас не работает, но там осталось много кирпича, где целого, где битого. Его все равно надо убирать, так что Григорий может забрать его хоть весь, показав эту бумагу

охранникам. Что, кстати, Григорий в течение недели и сделал вместе со Степаном и своим шурином, мужем старшей сестры его жены... Подняли кирпичом стены кузницы, установили привезенное оборудование, поставили новые ворота, облагородили окружающую территорию. И Григорию, и Степану, и родным все так понравилось, что Степан, когда обмывали новую кузницу, так прямо и сказал: «Гриша, если ты не против, то я, кузнец, теперь к вам в кузню отдыхать буду ездить!»

Кирпича хватило даже обложить с обеих сторон их жилой дом. Он тоже приобрел совсем другой вид. Жизнь стала налаживаться. Как-то приехал один купец из строящегося нового Екатеринославля, сказал, что узнал о Григории от своего родственника, Мойши из Никополя. Тот рекомендовал его как хорошего кузнеца и надежного человека. Купец сказал, что занимается подрядным строительством больших домов для богатых людей, а они, как правило, любят ажурную ковку на окна, балконы, ворота-калитки и т. д. Так вот не желает ли Григорий попробовать себя в этом кузнечно-художественном деле? Если – да, то он оставит один пробный заказ по такому вот эскизу, – он показал. Через пару недель заедет, посмотрит, что получилось, и тогда они будут говорить дальше... Так стал Григорий кузнецом-художником. Кстати, ему в этом деле здорово помогала Паня. У неё был удивительный художественный вкус и особая женская фантазия. И на очень многих домах Екатеринославля красовались выкованные Григорием различные художественные изделия, сделанные по эскизам Пани. С ней соглашались и согласовывались городские заказчики. А слава Григория-кузнеца постепенно разливалась по обоим берегам Днепра, в пределах губернии.

Правду сказал тогда князь Потемкин – и рядом проходивший шлях стал достаточно оживленным, и работой Григорий был обеспечен более чем. И дела его пошли в гору...

Потом Паня родила ему прелестную дочку. Григорий искренне поблагодарил за это Бога, а то в трех предыдущих поколениях Лебедей были одни сыны.

Так и появилось новое Лебединское гнездо... Люди называли его много лет просто – Лебединским хутором...

Глава 1

Как хорошо начинался двадцатый век! Кузнечный хутор, заложенный Григорием Лебедем более ста лет назад, расширился, укрепился, обновился. Появился новый добротный дом, хозяйственные постройки, совсем другой стала солидная кузница на месте бывшей казацкой сторожки. Вся территория хутора была озеленена-благоустроена и смотрелась на склоне холма очень достойно и привлекательно. За прошедший век ниже усадьбы семьи Лебедей, вдоль старого шляха, – постепенно выросло новое село и уже имело своих старосту, церковь, фельдшерский пункт, торговые лавки, рынок и даже небольшую школу... Но Лебединский хутор так и остался в стороне, отделенный от села глубоким оврагом, по дну которого бежала небольшая речка, которая брала свое начало из родника при хуторе...

На этот момент семья Лебедей состояла из главы Андрея, внука того самого Григория, что был первопоселенцем на этом месте, его жены Екатерины, сына Ивана, дочки Елены и еще двух сыновей – Петра и Павла. Андрей так и держал кузницу, как основное место работы и средство для жизни, но, кроме того, имел довольно солидное подсобное хозяйство, сеял зерновые культуры, выращивал скот и птицу для себя и на продажу. Завел даже экзотическую культуру – табак, хотя никто в семье не курил; этот продукт постепенно стал

очень ходовым в семейном товарообороте. Вся семья была занята делом практически непрерывно. Дети окончили местную школу в четыре класса, и для них, как считал Андрей, да и они сами, этого было вполне достаточно для сельской жизни.

В девятисотом году вышла замуж дочь Елена и уехала к мужу в Никополь. На свадьбе было много людей, родных и близких. Не было только старшего сына, Ивана. Он уже два года служил на одном из кораблей Черноморского флота артиллеристом. Писал, что служит в Севастополе, всем был доволен, тем более время было мирное и через всего три года вернется домой. Никополь и окружающие город села, население которых состояло многие годы из «вольных» матросов, были всегда поставщиками кадров для флота. Это считалось почетной обязанностью местных мужчин. Иван был, как все мужчины семьи Лебедь, – высоким, крепким и по-особому красивым парнем. Он был первенцем и любимцем матери. А отец имел на него большие виды, надеясь передать ему главную семейную заботу и источник благосостояния – кузницу. Вот с Ивана тогда все и началось...

Благополучно прибыв домой после службы в конце девятьсот третьего года, Иван с радостью пошел помогать отцу в кузнице, заодно вспоминая все, чему научился у него до службы на флоте и постигая дальше кузнечную науку... После Рождества засватал полюбившуюся ему девушку из нового соседнего села, и на осень они наметили сыграть свадьбу...

Но не случилось. Летом Ивана и других бывших моряков волости, из молодых, вызвали в Никополь и, не объясняя причин, отправили в Севастополь, а оттуда еще дальше... Началась война с Японией. Иван попал в Порт-Артур. Не было от него вестей больше года; только где-то к концу 1905 года семья получила извещение, что артиллерист Иван Лебедь геройски погиб под городом Мукденом.

Это известие потрясло всю семью, у матери не выдержало сердце, и через месяц после этого её не стало.

Остались они втроем – отец и два сына, одному 17 лет, второму 15. Отцу было уже под пятьдесят, и, чтобы справляться с работой в кузнице, пришлось нанимать молотобойца. Петр тоже много времени находился в кузнице, работал на мехах и учился кузнечному ремеслу. Павел больше занимался домашним хозяйством...

Пару раз в месяц приезжала из города сестра Елена с маленькой дочкой. Поубирает, стирает, погладит, хлеба напечет – и уедет: дома тоже полно забот. В такие дни Андрей как-то прибодрялся, не мог насладиться общением с внучкой, она как раз начала разговаривать...

Так продолжалось года полтора. А потом вдруг случилось то, что случилось. Жарким летним днем Андрей с молотобойцем выковывали ось для повозки. Отец держал полукруглую наставку, молотобоец работал по ней молотом. Петр занимался мехами... Все случилось в одно мгновение. Андрей переставил наставку ближе к молотобойцу, слегка наклонил голову в его сторону – и тут же получил страшный удар молотом прямо в висок. Он выпустил из рук наставку и, откинувшись, упал навзничь. Замертво. Из головы его текла серо-красная смесь. Петр все это видел и оцепенел. Потом бросился к отцу – тот даже не дернулся, смерть наступила мгновенно. Молотобоец, упустив тяжелый молот, выскочил на улицу, упал лицом в землю и бился в каких-то непонятных конвульсиях. Петр даже не испугался. До него все свершившееся дошло не сразу. Павел побежал в село, пришли люди, отца отнесли домой. Потом приезжал следователь выяснять, что и как было. Молотобойца вначале арестовали, отвезли в Никополь, потом отпустили, потому как определили, что преступления он не совершал и не замышлял, что был просто несчастный случай. Оно так и было

на самом деле. Причиной всего было то, что молотобоец был левша. Молотобоец-правша наносит удары молотом по определенной дуге справа налево, левша же производит такой же удар слева направо. Андрей, если бы это учел, то стоял бы напротив и левее молотобойца, он же стоял «под правшу» – правее, если смотреть со стороны молотобойца, и, чуть-чуть излишне нагнувшись – сам подставился под смертельный удар...

Как бы там ни было, а отца у братьев тоже не стало. Не стало и работы кузнечной. Заказчики – и бывшие, и потенциальные – разошлись по другим известным кузницам, а к Петру с Павлом заходили по старой памяти только местные жители, сделать что-то по мелочевке – согнуть-разогнуть, отклепать-приклепать... Денег у сельчан не было, рассчитывались они за работу чем могли – кто курицей, кто салом или яйцами и т. п.

Покупать металл стало не на что, да и незачем. Братья начали думать – как же им жить дальше. Сперва избавились от излишнего поголовья животных и птицы, кое-что еще реализовали, но ситуация только ухудшалась.

Перебрав многие варианты возможного улучшения своего хозяйственного состояния, решили по весне съездить в Крым за солью. Дело проверенное и выгодное. И хотя времена «чумаков» давно прошли, и пароходы пошли по рекам, и поезда пошли по великой стране, но за солью ездили по Украине и до сих пор. Петр тоже несколько лет назад с отцом туда ездил. Попросились в чумацкую артель, солевозы как раз мимо их хутора многие годы ездили туда-сюда, хорошо знали кузнеца Андрея и в один из заездов взяли их с собой. Волы и повозка у Лебеда были, даже на две пары, они с Петром пристроились к артели и очень выгодно тогда привезли и реализовали подводу соли. Это было пару лет назад.

Петр, главное, уже хотя бы кое-что, но знал, что это такое – поездка в Крым за солью. На том и порешили. Надо приготовить две подводы к дальнему переходу и подучить две пары молодых волов, старых две пары они уже продали. Потом весной или раньше, как получится, договориться с проезжающими солевозами и к ним пристроиться, потому что самостоятельно ехать в такую даль молодым и неопытным ребятам – равно самоубийству.

Всю зиму готовились. Заготовили кашеварную посуду и продукты на первый случай, одежду, овса для волов, запаслись дегтем – дорога дальняя, пристроили брезентовые тенты на повозки, подделали ярма для волов, тормозные опоры и «истыки» (палка с железным наконечником). Ими можно и колеса очищать от налипающей грязи, и притормаживать подводу, если надо, при крутых спусках.

Заготовили мешки под соль и – на всякий случай – взяли с собой целую большую торбу отцовского табака. А вдруг продать можно будет или обменять на что-то? Вроде бы все, осталось только найти попутчиков-солевозов. По весне нашли и их, проезжающих мимо, договорились – что, как и сколько, попросили дальних родственников присмотреть за хозяйством, пока они съездят в Крым, и – отправились в далекий путь...

Глава 2

По дороге к Никополю старший в артели, самый опытный и авторитетный мужик, посоветовал Петру заехать в городе к одному человеку. Пока артельные распрягут волов и будут отдыхать, готовясь к переправе через Днепр по наплавному мосту, – Петру, как первый раз отправляющемуся самостоятельно за солью, не мешало бы с тем человеком познакомиться и посоветоваться. Старший очень убедительно рекомендовал туда заехать. Человека того звали

«Нынка». Это была старая мудрая цыганка. Денег за предсказание она не брала, поэтому Петр взял с собой мешок пшеницы – на всякий случай...

Нашел он ту цыганку, передал мешок зерна, рассказал ей о себе, сказал, куда, почему и зачем они с братом едут, и спросил – не может ли она что-то посоветовать по этому поводу...

Цыганка взяла его за руки, долго смотрела на них и его лицо, еще дольше думала и сказала:

«Знаешь, хлопче, – сложная, но интересная будет у тебя жизнь... Ждет тебя сегодня дальняя дорога. Едешь ты туда с родной кровью, а вернешься без неё. Побываешь ты и в казенном доме, но выйдешь из него в белой шапочке. А главное – запомни: похоронит тебя седьмая жена»...

Петр, по правде говоря, не придавал тогда особого значения предсказанию цыганки, особенно её последним словам о седьмой жене – по той простой причине, что у него и первой жены-то ещё не было... Он поблагодарил её, потом заехал домой к сестре Елене, рассказал, что и как, куда они с братом направляются, получил от неё благословение и поехал на место сбора артели солевозов...

Все десять возов, включая повозку Павла, уже стояли запряженные и были готовы к переправе через Днепр. Когда все собрались, старший группы сказал: «До вечера еще есть время, нам нужно завидно переправиться на ту сторону, потом проедем Каменку, она сразу за мостом, и за ней станем табором на ночлег. Еще раз все проверим, подтянем, подмажем, и на рассвете двинем на Крым. – Потом повернулся к Петру: – Начинать переправу будем с вас. У вас молодые волы, а мост наплавной... «живой», можно ждать любых неприятностей. Давайте – выезжайте вперед, и двигаться только по команде. Волон ваших пускать без страховки никак нельзя, а то беды не оберемся»...

Чумацкий атаман оказался прав: волы Петра и Павла встали намертво и не желали заходить на играющий на волнах мост. Он был собран из огромных, плавающих на воде дубовых бревен, соединенных между собой цепями, и плавно колыхался без нагрузки. При передвижении по нему транспорта, особенно с грузом, тем более с тяжелым грузом, бревна «утопали» – иногда так, что колеса возов шли по воде. В зависимости от тяжести груза бывало, что вода покрывала колеса чуть ли не до осей. Это было довольно неприятно и для волов-лошадей, и для тех, кто ими управлял. Да, сразу за прошедшей повозкой мост тут же «всплывал» и занимал прежнее положение, но это не очень радовало тех, кто по нему переезжал. С транспортом, который шел порожняком, возни было поменьше, но артельщики не стали рисковать и пустили впереди повозки Петра, выходившей на мост первой, еще пару старых, испытанных волов в ярме, привязали их канатом к дышлу Петровой повозки, а самих ребят (Петра и Павла) поставили с обеих сторон молодой воловьей пары и таким тандемом-агрегатом переправили сперва одну, затем вторую подводку братьев Лебедей. С остальными возами проблем не было, и к заходу солнца все одиннадцать подвод, проехав насквозь село Каменка, стали табором метрах в двухстах от последнего сельского дома. Там стоял колодец с «журавлем», а вокруг него была вытоптана большая площадка. Видимо, многие путники находили здесь себе привал, ночлег или просто отдых... Распрягли волов, достали посуду для варки, начали собирать топливо и готовить ужин. Недалеко, наискосок через дорогу, стояла придорожная корчма, возле неё были привязаны несколько бричек, наверное, посетителей. Никто из солевозов туда не пошел, да и не собирался, так как впереди предстоял долгий и неизвестный путь, надо было беречь каждую копейку, а копеек тех у них было не так много...

Солнце уже садилось, но еще было хорошо видно. Повозки Петра и брата стояли рядом и ближе всех остальных к колодцу. Петр послал Павла собирать топливо для костра, пока видно, а сам взял ведро и пошел набрать воды. Колодец был неглубокий, с широким деревянным срубом и большим подъемным барабаном, тоже деревянным, с крепкими поперечными планками. Подняв ведро воды, Петр вылил её в свое ведро, отметил удачную конструкцию барабана, напился, взял ведро, повернулся, чтобы идти обратно и... обомлел.

К колодцу походила молодая девушка с двумя ведрами на коромысле. Темные волосы, черные брови, ослепительно белое красивое лицо и загорелые до черно-коричневых руки.

Двадцатилетний, двухметрового роста, могучий и невозмутимый по натуре, Петр не то чтобы растерялся. Он просто замер и смотрел, как она приближалась... Даже много времени позже он не сможет вспомнить, как так получилось, что он, не сказав ни слова, снял с плеч девушки коромысло с ведрами, поставил ведра рядом с колодезным срубом, за какую-то минуту поднял два ведра воды и наполнил её ведра. Девушка тоже молча и безропотно смотрела на его действия. Когда он повернулся к ней и выдохнул: «Добрый вечер», – она, вспыхнув, ответила тем же...

Через минуту он не нашел ничего другого, как спросить: «Ты здешняя?» «Да, казенская, – ответила она. – Вон наша хата, за корчмой, недалеко». Ни он, ни она не хотели уходить от колодца, но ей надо было нести воду в корчму, а его ждал Павел возле костра. Петр помог девушке поднять коромысло с ведрами на плечо и спросил: «А ты куда воду несешь?» «До корчмы, – ответила девушка, – там моя мама работает, а я ей помогаю».

Надо было что-то говорить, и Петр наугад бросил: «А кто хозяин корчмы?» «Один мужик из греков, он уже лет десять как переехал

сюда, вроде бы из Крыма, и построил на окраине села эту корчму», – ответила девушка. Пока она говорила, у Петра уже возник примерный план продолжения их знакомства. Поэтому спросил: «А хозяин курит?» «Да, курит, целый день сосет такую огромную черную люльку», – сказала она и двинулась через дорогу в сторону корчмы. Петр быстро отнес ведро с водой к месту их стоянки. Солнце уже село, несколько небольших костров освещали лагерь солевозов, в казанах и котелках побулькивал кулеш, запах простой здоровой пищи постепенно расплывался над степью.

Отдав воду Павлу, он подошел к своей повозке и достал из-под пустых мешков торбу с измельченным табаком. Еще по дороге до Никополя Петр разделил весь взятый из дому табак на три части: одну сразу отдал атаману артели, который весь день не вынимал изо рта короткой глиняной трубки-носогрейки и был вне себя от счастья, получив от Петра такой дорогой подарок перед дальней дорогой; вторую часть оставил мостовому смотрителю в качестве «мостовой» платы за переезд через Днепр; а основной табак тщательно припрятал от глаз, в первую очередь, коллег-солевозов, так как знал – они все равно будут кланяться у него табак всю дорогу. Портить с ними отношения Петру не было резона, а так как табак в те времена и в тех местах был товаром ходовым – Петр решил предложить табак хозяину корчмы. Да и с девушкой, которую встретил у колодца, найти возможность продолжить знакомство... Он завернул в тряпицу горсть табака, сказал Павлу: «Вари кашу, я скоро», – и пошел через дорогу в корчму.

Широкая двустворчатая дверь. Петр вошел в довольно просторную комнату. Несколько квадратных тяжелых столов, обставленных такими же тяжелыми стульями, вдоль стены справа – длинный массивный стол с такими же длинными скамейками с обеих сторон. За тем столом сидели несколько мужчин – ужинали, курили и

оживленно о чем-то разговаривали. Когда Петр вошел, они никакого внимания на него не обратили. Прямо напротив входа, метрах в пяти-шести, за стойкой сидел грузный мужчина с орлиным носом, пышными черными усами, шапкой таких же волос на голове, темными глазами навыкате и с большой трубкой в зубах.

Петр подошел к нему, поздоровался и без всяких предисловий сказал, что он в составе артели едет в Крым за солью, они стоят табором напротив его корчмы, утром отъезжают, и что у него есть табак на продажу, если корчмарь возьмет его – то можно будет договориться.

С этими словами он развернул перед хозяином тряпицу с табаком. Тот подвинул табак к себе, потом поднес его к горевшей рядом керосиновой лампе, посмотрел, перебрал пальцами и понюхал. Потом взял щепотку в рот, пожевал и, наконец, выбив свою трубку в какую-то чашку, плотно снова набил её принесенным табаком и от лампы прикурил; потом сделал губами несколько втягивающих движений и, откинувшись назад, аппетитно затянулся, выпустив облако дыма. Петру он указал место на стоящем недалеко стуле. Петр сел так, что ему было видно через дверь позади корчмаря – кухню. Там у плиты возилась женщина средних лет, а еще дальше – девушка, которую он встретил у колодца, в большом корыте мыла посуду. Петр смотрел на неё так напряженно, что даже вздрогнул от неожиданности, когда с ним заговорил хозяин корчмы. Он сказал, что табак его очень хороший, и что если он у него весь такой, то он возьмет всю его торбу. Достал из-под прилавка медный стакан-мерку и предложил цену за утрамбованный стакан табака. Петр не стал с ним торговаться, цена была приемлемая, и вышел, направляясь к своей подводе за табаком.

На улице было совсем темно. Сделав несколько шагов, услышал шепот: «Хлопче, я все слышала, ты не верь корчмарю, он нечистый

на руку!» Петр обернулся и увидел очертания девушки, вышедшей, скорее всего, с другого входа. «А я – тяжелый на руку, – усмехнулся он. – Спасибо тебе, добрая дивчина! Как тебя зовут?» «Мария», – снова прошептала она. «А меня – Петр... Я сейчас вернусь, Маруся», – тоже тихо сказал Петр и пошел. Принес табак корчмарю, тот сам его перемерял стаканом, тут же рассчитался, как договаривались, налил по рюмке какой-то настойки себе и Петру, чтобы «обмыть» сделку. Петр поблагодарил и отказался – завтра, мол, ехать в неизвестную даль, да и вообще он спиртное не употребляет и не курит... Хозяин не стал настаивать, выпил сам и просил передать привет его родине – Крыму. На том они и расстались.

Более чем довольный, Петр двинулся к месту стоянки. Вырученная за табак сумма была не так велика, но её с лихвой должно было хватить на покрытие всех предстоящих расходов: по покупке соли, оплате установленных сборов и еще должно остаться, так что приготовленные с дому деньги для таких расходов, зашитые в пояс свитки у Петра, могут и не понадобиться.

Проходя мимо колодца, он услышал легкий стук ведра, который тут же отозвался учащенным стуком его сердца. Подошел. Там действительно была Мария, и она ждала его... «Я переживала за тебя, там было много мужиков, они из постоянных клиентов нашего хозяина, люди не самые лучшие, поэтому – взяла ведро, как будто мне ещё вода нужна, и пошла за тобой», – прошептала она.

«Спасибо тебе, добрая, не беспокойся, я сумею постоять за себя, да и не один я здесь. Ваш хозяин тоже это понял, поэтому все так хорошо и получилось», – ответил Петр.

В течение нескольких минут, загнанная в угол безысходности, Мария рассказала ему все о своей невеселой жизни. Отец был матросом, ходил по Днепру, вначале неплохо зарабатывал, дом купил в

Каменке, потом начал пить, драться, гулять и лет десять тому назад был убит или зарезан в пьяной драке и выброшен в Днепр. С тех пор они с мамой вдвоем перебивались с хлеба на воду.

«Потом этот грек приехал, построил с нами рядом корчму, пригласил маму у него работать, она тогда помоложе была. С тех пор и привязаны мы к этой корчме. Раньше мама и готовила, и убирала-стирала, потом я подросла – начала ей помогать. Вот так и живем. Хозяин маму ни во что не ставит, что хочет – то с ней и делает. А куда деваться? Без него нам вообще конец бы пришел – или идти куда-то внаймы, или в петлю лезть. А теперь, когда я выросла, хозяин все чаще на меня стал посматривать своими жадными глазами. Я не знаю, что мне дальше делать. И маму жалко, да и себя тоже. И выхода нет. Вот тебя сегодня случайно увидела и как будто на свет снова родилась. Ты прости меня, Петя, и не подумай ничего плохого, я такое говорю людям в первый раз, да, наверное, и в последний. Но я должна была это сказать. Ты утром уедешь и забудешь. У тебя своего, наверное, хватает, раз в такую даль за товаром собрался. А мне уже все равно – хоть душу отвела и тебе все рассказала, хотя зачем тебе это нужно...» – тихо промолвила она.

Задрожал могучий Петр. Добрая душа всегда чует другую добрую душу, тем более в моменты, когда той очень плохо. Он просто как родную сестру, друга, любимую, прижал её к груди и молчал, а она уткнулась ему в свитку и тихо и отчаянно плакала...

Потом Петр отстранил её от себя и твердо сказал: «Слушай меня, Маруся. Постарайся дождаться, пока я съезжу за солью.

Приготовься сама, маме скажешь потом, чтобы хозяин не пронюхал, и дожись. Я обязательно заберу тебя с собой на обратном пути.

Запомни – обязательно». Он достал несколько монет и положил ей в карман, сказал – на всякий случай, еще раз крепко обнял, повторил:

«Дождись обязательно!» Она взяла его руку, положила себе на грудь на несколько мгновений, потом поцеловала ладонь, прошептав: «Счастливо тебе, Петя, я буду ждать», пошла с ведром через дорогу. А Петр стоял у колодца и не мог прийти в себя. За какие-нибудь два часа случилось столько хорошего, прямо сказочного, что кроме как чудом и не объяснишь. А может, это все привиделось в этой чернильной темноте южной безлунной ночи? Так нет – он слышал такой близкий и родной голос, видел её прекрасное лицо, видел её мать и даже видел её потенциального обидчика. Еще чувствовал её запах, ещё на ладони левой руки до сих пор горел её поцелуй, а в кармане появились деньги за так выгодно проданный табак!

Он подошел к повозкам, ужин у коллег был в самом разгаре, никто ничего не заметил. Павел давно сварил ужин и ждал его. На вопрос о том, где он пропадал, Петр ответил, что за колодцем, в темноте помылся. Потом поужинали и легли спать, каждый на свою повозку. Завтра – туда, к морю. И пусть удача от них не отвернется...

Петр лежал на повозке лицом вверх, смотрел, как мерцали яркие звезды на темном небе, на Млечный Путь, или, как называли его в старину – Чумацкий Шлях, на созвездие Большая Медведица (Чумацкий Воз), на Полярную звезду, которая неизменно стоит на одном месте и всегда служит ориентиром для чумаков-солевозов и которую они считали своей путеводной... Смотрел на них, но их не видел. Перед ним стояло только лицо её, Марии, и никого и ничего больше.

Судьба упала на судьбу, теперь Петр взял на себя ответственность и за её будущее. Значит, так надо было, там... Наверху. А ведь он мог и не поехать!.. Страшно было даже представить, что это было бы по-другому. Петр думал, что не заснет до утра, но вдруг как будто провалился куда-то, во что-то, хорошее, приятное, и уснул

мгновенно. Снилось ему море, горы, много людей, а в самом конце на берегу вроде бы Днепра он увидел свою Марию и – проснулся. Только начинался рассвет, но уже шевелились на возах артельщики, потянулись с ведрами к колодцу – поить волов, самим помыться, привести все и себя в порядок, быстро покушать то, что приготовили с вечера и – запрягать волов. Впереди – долгий, трудный, но необходимый и, даст Бог, удачный путь к морю! Почти триста верст – палящего солнца, плотной, всепроникающей пыли и неизвестности... Тронулись в таком же порядке, как ехали до Никополя: атаман – впереди, Павел и Петр – в конце колонны. Петр даже был доволен, что ехал последним, править никуда не надо – его волы идут в «строю», держат дистанцию сами. Неудобство было только в том, что когда ехали против ветра – пыль от всей колонны оседала больше на последнюю повозку, но это было терпимо... Еще перед выездом атаман собрал всех ездовых, сказал, что поедут они вдоль Днепра до самой Каховки, а потом повернут на юг, через Чаплинку – на Перекоп. Там движение поменьше, а значит – поспокойнее, зато травы побольше, вода рядом и путь этот чумакам этого заезда хорошо известен. Первый привал сделают у села Великая Аепетиха, дальше – как Бог даст...

Петр сполз с доски-сиденья, сел прямо на дно повозки, подложил пустые мешки под спину и голову и свободно в полулежачем состоянии, смотрел на дорогу, а больше по сторонам. Весна... Великая река веками пропитывала прибрежную землю слева и справа по течению. Особенно слева, где берег низменный, где начиналась и тянулась до самого моря огромная низменность. По сторонам дороги трава вымахала так, что издалека волов не было видно. Не было проблем с кормами. Волам было из чего выбирать, разнотравье на любой вкус, и вода всегда рядом. Да и для солевозов

путешествие вдоль берега реки было гораздо приятнее, чем по песчаной херсонской степи.

Все это было хорошо, но Петр почувствовал какие-то непонятные изменения внутри себя. Постепенно он понял, что появилась какая-то другая, более конкретная и приятная, что ли, цель его путешествия. Он начинал понимать простую человеческую истину: до вчерашнего дня у него была вроде бы ясная, причем главная цель – добраться до Крыма и набрать там соли. Сегодня эта цель внутри него уже не была главной. Главным для него сегодня стало – вернуться назад, сюда, откуда он выехал. По причине того, что его теперь здесь ЖДУТ. Раньше не ждал никто, а сегодня уже ждут. Причем очень ждут и на него надеются.

Петр даже удивился своим размышлениям. Оказывается, возможно и такое изменение главной цели при вроде бы неизменности самого порядка действий. Ведь все осталось как и было, а на самом деле – мгновенно перевернулось с ног на голову. Теперь все свои силы, старания и умение он должен подчинить главному: вернуться и помочь сразу ставшему для него дорогим человеку – Марии. В том, что она его будет ждать и дождется, – Петр не сомневался. Он чувствовал: она – его, от Бога... и все, о чем здесь больше говорить и думать. Не сомневался, что и сестра Елена, и Павел примут её как родную. Такую, как она, нельзя было не принять.

В таком полусне-полудреме и житейских раздумьях он и приехал на первую стоянку – между Каменкой и Великой Аепетихой... Потом были Каховка, Чаплинка, Перекоп, Джанкой – и до самых соленых озер. Почти месяц сурового пути, но все добрались благополучно и встали в очередь недалеко от соляной мельницы. Желающих приобрести соль было достаточно, сезон только начинался, десятки возов с разных мест Украины ожидали своего часа.

Еще до выезда в солевой рейс Петр попросил сестру Елену узнать у оптовиков, закупающих соль в Никополе, какая соль им больше нужна и по какой цене они могут её приобрести. Сестра выяснила, что весной этого года в большом спросе соль кормовая – неочищенная, кусковая, то есть не молотая. Дело в том, что основной завоз был всегда пищевой соли, а с весны будет нужна именно кормовая соль, для животных, тех же волов, лошадей, коров. Она, правда, несколько ниже по цене здесь, но её проще и гораздо дешевле можно приобрести в Крыму. Петр так и сделал – набрал на оба их воза больше кормовой соли, а пищевой взял всего по несколько мешков – для текущих нужд.

Так как братья с повозками стояли в конце очереди, то и получили заказанную и оплаченную соль только к вечеру. Хотели на прииске заночевать, но там было очень непригодное место для ночлега, да и старший ватаги предложил им ехать в ночь на Джанкой: вы, мол, не заблудитесь, хотя дорог здесь много, но все они идут в одну сторону. Вся их артель, по мере загрузки, двигалась по одному – где двумя возами вместе, всех ждать не стали – слишком долго, да и не нужно. Зато за Джанкою, после развилки дорог на Симферополь и Херсон, завтра будет общий сбор. Там простоим день, все проверим, подготовимся и двинем домой. С атаманом все согласились...

Петр с Павлом выехали вместе. Петр уже по привычке, да и для уверенности, ехал сзади. Все было нормально. Стемнело по-южному быстро. Часа два ехали, иногда перекликаясь друг с другом. Луны на небе не было, темень сплошная. И – никого...

Потом где-то вдалеке послышался конский топот. Кто-то их догонял. Петр подбежал к повозке Павла и крикнул: «Разъезжаемся на всякий случай в разные стороны, место сбора завтра – ты знаешь!» Павел взял влево, Петр – вправо. Ему попалась какая-то впадина, повозка чуть не опрокинулась. Петр забежал спереди волов, остановил их и,

поглаживая, старался успокоить. Группа невидимых верховых с шумом пронеслась метрах в ста левее, потом все стихло. Петр не стал рисковать, освободил волов от ярма, привязал к повозке, дал им немного корма и просидел на повозке до рассвета...

Потом собрался и поехал дальше. Где-то через час на горизонте показался Джанкой. Петр проехал его насквозь, до развилки на западной стороне, туда, где был уговор всем собраться, и подъехал к возам. Из одиннадцати собралось только семь. Четырех возов не было, в том числе его брата Павла. Особой тревоги вначале никто не выказывал, всякое бывает. Но простояли до самого вечера – никто не появился. Вызвали местного полицейского начальника, он к вечеру приехал на двуколке, всех опросил, переписал: кто и что пропало, адреса всех, кто есть и кого нет, и уехал. Перед тем сказал: «Опять татарва бузит, надо что-то делать, а то скоро всех солевозов распугают. Несколько облав по ночам делали – все бесполезно, они все повязаны между собой». Пообещал разобраться и сообщить старшему и отдельно – Петру.

Ночь погоревали, а с рассветом двинулись в обратный путь. Петр все-таки надеялся, что с Павлом все как-то обойдется и он приедет домой, с солью или без – это уже не важно. Как-то успокаивало и одновременно волновало его то, что ждало на обратном пути в Каменке-Днепровской. Как там Мария, в таком чужом и чуждом ей окружении?.. Может, просто забыла, ведь сколько там за день людей проходит, через ту корчму. Посчитает и меня таким, проходящим... Да нет, она совсем другая, только бы успеть ей помочь! – одна мысль вращалась в его мозгу. Чем ближе её село, тем беспокойнее становится Петр, хотя у него нервы крепкие, а мышление трезвое... К Каменке подъехали поздним вечером. Так как, кроме Петра, все солевозы должны ехать дальше, повернув от Никополя на север, в свои края, то решили переночевать, а пораньше переехать Днепр и

двигать домой. У Петра Никополь был конечным товарным пунктом. Здесь он договорился продать соль оптом и только потом ехать домой, уже налегке.

Так и порешили, опять расположились табором рядом с колодцем и начали готовить ужин...

На улице было темно. Ждать, что опять Мария пойдет к колодцу, – глупо. Где она? В корчме или дома. В корчму ему идти нельзя, хозяин запомнил его внешность. Что делать? Петр решил идти к ней домой, а там – что будет, то и будет...

Он пошел по дороге в сторону моста, прошел корчму, а поравнявшись с домом Марии, перешел на другую сторону и решительно подошел к входной двери. Никаких заборов-калиток там не было, дом был небольшой, деревянный, с тремя окнами на улицу. В одно из них он и постучал. В доме темно и никаких движений-звуков не было слышно. Он постучал еще раз и посильнее. Было слышно, как кто-то идет к входной двери. Потом заскрежетал засов, дверь приоткрылась, и сонный голос тихо спросил: «Это вы, мамо?» Петр сделал короткую паузу, не специально, так получилось от волнения, и дрожащим голосом тоже тихо сказал: «Это я, Маруся!» Девушка невольно откачнулась от двери, а потом в каком-то счастливом беспамятстве бросилась ему навстречу. Петр только успел её подхватить, а она гладила его обеими руками по голове, лицу, шее и, радостно всхлипывая, говорила, говорила: «Петенька, это ты... А я так ждала... А я думала... А я и сейчас не верю, что ты уже здесь... А я... А я...» Петр нежно прижимал её к груди и молчал, ждал, пока она выдохнется. Потом ласково отстранил её лицо и сказал: «Я, Маруся, за тобой приехал!»

Потом спросил: «Мама дома?» «Нет, – ответила Мария, – она осталась в корчме. Работы много. Да, наверное, и заночует там. Последнее время она почти каждую ночь там. С тех пор, как ты

уехал, я по вечерам под разными предлогами не ходила туда.

Боялась... Они уже привыкли к этому, вечером, как посетителей уже нет, мама с хозяином закрываются, хорошо выпьют... и отдыхают до утра».

Они сидели, обнявшись, на лавке в большой комнате, в абсолютной темноте. Да им свет и не был нужен, они и так «видели» друг друга через великое, обволакивающее их чувство. Пытались что-то хорошее сказать или сделать один другому и все старались, чтобы было как лучше.

«Понимаешь, Маруся, то, что я с тобой уже не расстанусь и заберу с собой, – это понятно, – сказал Петр. – Главное, как это правильно сделать, чтобы всем было хорошо, в том числе твоей маме. Можно утром пойти к ней и попросить твоей руки. Все будет правильно, мы же не воры какие-то, и мама, скорее всего, будет согласна. Но что будет после? Тот хозяин-грек, заглядывающийся уже на тебя, ей этого не простит... И – или выгонит маму вообще, или сживет со света своими издевательствами. А мама ведь уже привыкла к нынешней её жизни, и ей будет очень трудно, если вообще возможно, как-то перестраиваться. Думаю, в этом ничего ломать не надо и маму надо обезопасить, по крайней мере – для виду. Давай мы ей дадим знать, что ты сама решила пойти в ближайший город, найти себе работу и как-то устроить свою дальнейшую жизнь. Если получится – то потом и ей помочь, а не получится – значит, не получится. Главное здесь то, что ты сама это решила и сама это сделала, а мама здесь ни при чем. Оставим ей записку на видном месте, чтобы она обязательно нашла...»

На том и определились. Так как ни бумаги, ни карандаша в доме не нашлось, Мария достала из сундука небольшое полотенце, потерла пальцем внутри кухонной плиты и крупными печатными буквами написала сажей по полотенцу: «Мама, прости. Так больше не могу.

Ушла в Александровск. Искать не надо. Сама тебя найду». Город Александровск (нынешнее Запорожье) был в восьмидесяти верстах на север от Каменки-Днепровской, по левому берегу Днепра, а главное, в нашем случае, – в сторону, прямо противоположную от Никополя...

Молодые люди посидели еще немного в доме (вдруг мама еще придет!), потом быстро оттуда ушли. Это был уже не их дом, их дом теперь должен быть там, где они будут вместе! Мария давно уже приготовила то, что надо было взять с собой, так что сборы были недолгими. Они посидели на дорожку, потом взялись за руки, подошли к висевшей в углу иконе и вместе попросили у Господа благословлений на свою будущую жизнь. Затем закрыли входную дверь дома и пошли к лагерю солевозов.

Там давно все спали. Петр посадил Марию на свою подводу, влез сам, они закутались в его свитку, крепко обнялись и так и лежали то недолгое время, что оставалось до утра у короткой летней ночи. У обоих было такое ощущение, что они будто бы вообще вместе родились и никогда не расставались. Говорить ничего не надо было – все было понятно без слов...

На рассвете, когда двинулись на мост, Петр шел впереди своей воловьей упряжки, ведя её на длинном налыгаче, а Мария, укутанная в большую Петрову свитку, лежала между мешками под тентом, и никто даже не подозревал о её присутствии на повозке.

Благополучно переправившись через Днепр, все подводы собрались вместе. Дальше пути их расходились. Петр оставался в Никополе, а вся остальная ватага поворачивала на север, продолжая путь в свои края. Тепло распрощавшись с атаманом и товарищами, с которыми почти породнился за время поездки, Петр попросил, когда они будут ехать мимо его усадьбы, – сообщить родственникам, что Петр уже в Никополе и скоро тоже будет дома. Про Павла пока ничего не

говорить – кто знает, что там, может быть, еще и он прибудет.

Пообнимались на дорожку – и разъехались...

Петр с Марией, уже ни от кого не скрываясь, поехали домой к сестре Елене.

Сестра вначале растерялась, когда увидела рядом с Петром вместо брата Павла молодую девушку, потом очень обрадовалась, когда Петр все рассказал – и откуда она, и как они познакомились, и как она его ждала, и как он её взял с собой. Мария сразу понравилась Елене, и та радостно подчеркивала, что теперь и у неё будет родная сестра, а то все братья да братья. Погоревала об исчезнувшем Павле, выразила надежду, что все образуется, а потом спросила – какие у молодых планы на ближайшее будущее...

Петр сказал, что, несмотря на проблему с Павлом, он решил прибыть в родное гнездо с законной женой. Перед людьми она уже таковая есть, надо сделать так, чтобы это было и перед Богом. Для этого им лучше обвенчаться здесь, в Никополе, а впоследствии, когда что-то окончательно прояснится с братом, – сыграть свадьбу на Лебединском хуторе, то есть дома. Елена с мужем поддержали его предложение, и все принялись за работу...

Оставив Марию на попечение сестры, Петр с шурином занялись реализацией привезенной соли. Хорошо, что сестра заранее договорилась с оптовым покупателем, – соль приняли быстро и неплохо заплатили – во много раз больше, чем понесенные Петром расходы. Вечером отметили – и приезд, и выгодную продажу товара, а главное – помолвку молодых. Собрались родственники со стороны мужа Елены, хорошо посидели, еще раз перезнакомились и наметили все дальнейшие свои действия.

С утра первым делом пошли в одну из церквей и подали заявление на венчание, назначили им и сам день бракосочетания, и где, что, как и сколько. Оповестили всех приглашаемых гостей на небольшой

торжественный вечер в доме семьи Елены. На рассвете следующего дня Петр с шурином выехали на хутор на волах. Попутно Петр закупил на полную подводу разнообразного металла, особенно всевозможных обрезков и отходов, листовых и округлых, разных форм. Продавцы собирали их по бросовым ценам на металлообрабатывающих предприятиях – заводах, мастерских. К прямому использованию они были непригодны, для кузницы – в самый раз. Петр и накупил таких «отходов» целую повозку чуть ли не задаром. В кузнице все пригодится, да повозка с волами порожняком идти не будет...

К ночи приехали, на радость родственникам, присматривающим все это время за хозяйством. Понятно, что одно дело присматривать и совсем другое дело – вести хозяйство, но Петр, познакомившись с состоянием дел на усадьбе, остался доволен, поблагодарил родственников и вдобавок подарил им целый мешок соли. Это был дорогой подарок, но люди его заслужили. Петр договорился с ними, что пробудет еще несколько дней в Никополе, там у него дела личного характера, и пусть они поживут на хуторе еще, пока он не приедет. Потом оставил волов с повозкой дома, взял одноконную бричку, кое-что из съестных припасов (в городе все покупать надо), прихватил свой выходной костюм и вернулся с шурином в Никополь. Пока они отсутствовали, Елена достала свое подвенечное платье, которое надевала всего один раз в жизни, несколько лет тому назад, надела его на Марию, полюбовалась и сказала: «Марусь, да это платье как на тебя сшито! Хотя... на тебя что ни надень – все пойдет и все будет красиво». Короче говоря, к приезду мужчин с хутора невеста Мария была одета, обута и горела нетерпением все это великолепие увидеть на себе в день венчания...

В ближайшую субботу их обвенчали, зарегистрировали, и стали Петр с Марией законными мужем и женой. Можно было везти новую

хозяйку в дом её мужа, такой опустошенный и остуженный за последние несколько лет. Елена с мужем тоже поехали туда же на своем транспорте, чтобы как-то скрасить новой семье их необычные и непривычные вначале, уже семейно-хозяйственные отношения. Жить-то надо было дальше и начинать все по-другому. Елена с мужем много помогли молодым по хозяйству, но через неделю уехали – дома тоже дел хватало... Уехали и присматривающие за хозяйством во время отсутствия Петра родственники...

Петр с Марией остались сами. С чего-то надо было начинать. И хотя вроде бы многое у них уже было, но пришло в запустение, сад-огород зарос травой и кустарником, живности домашней осталось совсем мало. Хорошо, хоть корову да лошадь рабочую удалось сохранить, теперь еще пара волов добавилась, можно опять поле засеять, как раньше. На первый случай кое-что есть, только распорядиться надо всем этим грамотно, по-хозяйски. Петр зашел в кузницу – все на месте, но жизнью не пахнет, паутина кругом, да все металлическое ржавчиной покрылось...

Один человек, если он действительно Человек, может вдохнуть жизнь или зажечь огонь, как хочешь это называй, на любом доставшемся ему уровне – будь то семья, какое-то дело или государство. А другой, и тоже один, бывает способен, наоборот, разрушить все и тоже на любом уровне...

Мария была созидателем по своей сути. Она ничем и никем не командовала, не учила и не поучала. Она просто – делала. И постепенно все большие и малюсенькие шестеренки довольно обширного хозяйства Петра начали не просто вращаться, то есть двигаться, а в нужную сторону, с нужной скоростью и с соответствующей пользой. Вокруг неё все двигалось – варилось, стиралось, гладилось, кормилось и поилось, поливалось, сеялось, сажалось, обрабатывалось и убиралось, обшивалось и

ремонтировалось... Практически одна, она взяла на себя все домашние заботы. Взяла не как какую-то неприятную нагрузку, а как жизненную радость, которой ей недоставало с детства. Она все делала легко, весело, играючи. Даже успевала иногда (чтобы сделать мужу приятное) поработать на мехах в его кузне... Сложные и тяжелые работы Петр делал сам, но и там присутствие Марии всегда и везде чувствовалось. Через какие-то год-полтора хутор преобразился до неузнаваемости, стал не хуже, а по некоторым показателям даже лучше, чем в те времена, когда вся семья была еще в сборе. Завели свиней, кур, гусей, уток. Устроили большой пруд в овраге ниже усадьбы. Начали продавать мясо, яйца, молоко...

Петр повышал свою квалификацию кузнеца и с помощью никопольского шурина и старых связей отца в расширявшемся Екатеринославле начал получать заказы на кузнечные изделия. Все больше внимания уделял художественной ковке – там и металла надо меньше, и цены на изделия гораздо выше, хотя, конечно, и мороки больше. Но дело того стоило...

Опять (в который уже раз!) начала постепенно возрождаться слава Лебединского хутора, а точнее – его кузнечных «художеств», а если уж совсем точно – то слава молодого наследного кузнеца, уже Петра, Лебеда...

Основой семейного благополучия семьи было то, что Петр и Мария не просто были мужем и женой, не просто безумно, по-простому, по-верному, по-крестьянски любили друг друга, – нет, они просто жили один другим и по другому не представляли себе жизни вообще...

Еще через год Мария подарила Петру дочку, свою копию. Отец был бесконечно благодарен ей – именно за дочку и именно за точную мамину копию. По настоятельной просьбе Петра её тоже называли Марией. Забот прибавилось, но хозяйство уже определилось, установилось и уверенно двигалось дальше. Все дальние и близкие

родные, да и все жители небольшого, рядом расположенного села уже знали и по-человечески уважали и любили семью Лебедей, за все сразу – порядочность, доброту, внимание, да и за внешние данные. Особенно Марию, как яркую выразительницу всего того хорошего, что есть в нашем простом народе...

Петра и Марию с радостью приглашали другие семьи – крестить детей и, несмотря на молодость, быть посаженными родителями на свадьбах, да мало ли какие хорошие события в селе происходили – и почти всегда они были их участниками.

Казалось, так будет всегда. Но не все люди одинаковы. Не всем нравится, когда кому-то хорошо. Всегда найдется кто-то подленький, готовый на все что угодно, лишь бы сделать плохо тому, кому сегодня хорошо. И он, тот, будет искать любой способ, чтобы это сделать. Причем сделать, даже если ему от этого никакой пользы не будет. Были такие подлые люди во все времена, да и в описываемый период – тоже...

Как-то раз Петр с Марией были в сельской церкви. Был какой-то праздник, много молящегося народа. И тут Мария почувствовала себя нехорошо. Что-то как бы пронизывало её насквозь чем-то неприятным, злым, нехорошим. Посмотрев на людей, стоящих напротив, она встретила с таким ненавидящим взглядом одной из женщин, пронизывающим её, Марию, насквозь, что невольно схватилась за руку Петра и попросила вывести её из церкви. На его вопрос – в чем дело, она ответила, что пока они были в церкви, на неё все время с ненавистью смотрела какая-то женщина.

«Не знаю, – сказала Мария, – что ей от меня надо, но она настолько нагло выражала свою ненависть глазами, что мне стало плохо...»

«Та женщина – попадья, жена нашего батюшки, может, тебе это только показалось?» – спросил Петр. «Да нет, Петя, не показалось, а так и было», – закончила разговор Мария.

Петр почти каждую субботу вывозил Марию на рынок, что-нибудь продать из продуктов, все-таки – живая копейка... Утром вывозил, а к обеду забирал домой. Когда в очередной раз завез её с ведром яиц, к её прилавку подошла та же женщина, что смотрела на неё в церкви. Подошла не покупать, а спросила: «Это ты жена Петра Лебедея? – и, не дожидаясь ответа, ядовито прошипела: – Ты перешла дорогу моей дочке и забрала у неё Петра... Штоб ты сдохла!» Сказала – и ушла...

«За что мне это?» – прошептала Мария. Она оперлась о прилавок и так простояла, пока не приехал Петр. Ничего не сказала ему о визите той «добродетельницы» Мария, а вдруг у него что-то было с той дочкой батюшки... Промолчала...

Но с того дня Мария, брызжущая жизнью, здоровьем и непоказным счастьем, начала меняться на глазах. И ничего вроде бы не болело у неё, но глаза потускнели, тело обмякло и обвисло. Не помогли ни целительницы-бабки, ни доктора, ей становилось все хуже и хуже... И в течение полугода Марии не стало. Хорошо, хоть успела поставить на ноги двухлетнюю дочку...

Ни потрясенный Петр, ни родственники, ни окружающие люди не могли представить себе, что такое могло случиться с цветущей Марией. Петр остался с сироткой-дочкой, которая не понимала, куда подевалась её любимая мама, и все время плакала.

Такая несчастливая доля сложилась у Первой жены кузнеца Петра Лебедея, но это был только первый удар судьбы... по самому Петру... Здесь вполне уместно сообщить, что в конце лета того же года, когда похоронили Марию, над селом, рядом с Лебединским хутором, пронесся небывалый ранее смерч, была очень сильная гроза. Молния ударила в стоящий на церковном дворе большой одинокий ясень и расколола дерево пополам – сверху донизу. Позже люди нашли там три обожженных тела – самого батюшки, его жены и

дочки. Возможно, они прятались под тем деревом от дождя. Ну, наверное, так совпало...

Глава 3

На хутор приехала сестра Петра, Елена. У неё уже было двое детей – девочка и мальчик. Видела, как Петр разрывается на части, пытается сохранить хозяйство и везде водит за собой маленькую Марию, даже в кузницу. Выход из сложившейся ситуации был только один – искать женщину, новую жену, которая приняла бы на себя все текущие заботы. Приняла добровольно, бескорыстно и быстро. Да где ж такую сразу найдешь, да ещё после Марии!

Елена забрала к себе племянницу, на время, пока Петр определится. Девочка знала тетю Елену и пошла к ней без особых проблем. Но это был не выход, а только временная передышка... Как бы это странно ни звучало, начали искать подходящую женщину. Ситуацию осложняло и наличие маленькой Марии. Не каждая девушка пойдет на семью с чужим ребенком, а свободных «не девушек» в ближайшей округе не наблюдалось. Искала и Елена через своих знакомых, искал и Петр, хотя, по правде говоря, ему было не до поисков женщин... любых...

До кузницы опять очередь не доходила, все время отнимало домашнее хозяйство. Можно было и ликвидировать его – а как жить потом... Да и чтобы Мария сказала по поводу этого?

Петр насобирав уже больше двух ведер куриных яиц. Раньше раз в неделю их вывозили на местный рынок, товар был ходовой, а теперь – каждый день добавляются, скоро вообще портиться начнут. Лето, жара. В очередную субботу Петр взял два ведра яиц и выехал на рынок. Да и людей просто давно не видел, сколько дней уже не выходил из хутора, надо как-то развеяться, пообщаться.

Приехал на рынок, он работал два дня в неделю – среду и субботу. По средам там торговали в основном местные сельчане, а по субботам – народу собиралось побольше. Приходили купить-продать из соседних сел, где рынков не было, а до города – далеко, полдня быстрого хода, да и не было смысла туда ходить с тем товаром, что имели на руках местные сельчане...

В тот день с утра народу на рынке было достаточно много по сельским меркам. Петр прошелся по рядам, посмотрел для порядка – что, где и почем, потом просто осмотрелся, с кем-то поздоровался... Выступать здесь в роли продавца яиц ему не очень хотелось, по правде говоря. Он даже представил себя за прилавком, пересчитывающего яйца...

И тут его внимание привлекли две женщины – одна совсем молодая, другая – раза в два старше. Подойдя ближе, увидел на прилавке их товар – с десяток яиц, пара связанных за ноги цыплят, какие-то семена, корни растений и еще что-то по мелочи. Петр поздоровался и спросил, откуда они пришли. Они ответили, что из соседнего села. Если напрямую через шлях, то верст 7–8. Петр раньше бывал в том селе еще с отцом, там тогда оставались какие-то дальние их родственники. Именно из этого села более ста лет назад брал себе жену, Пелагею, прадед Петра – основатель Лебединского хутора кузнец Григорий. У неё были еще две сестры тогда – старшая и младшая. Потом у всех пошли дети-внуки-правнуки, семейная цепочка постепенно превратилась в «резинку», родственные связи между двоюродными, четырех– и пятиродными потомками постепенно размылись, но все в новых семьях помнили, что в каком-то колене они – родня...

Петр представился женщинам. Они его, оказывается, знали. Видели раньше на рынке и в церкви. Видели с ним и его жену Марию, слышали и о том, какое его недавно постигло несчастье. Петру все

это слышать было не особенно приятно, и он перевел разговор в практическое, текущее русло.

По ходу беседы у него возникло предложение – приемлемое, по его мнению, для обеих сторон. Так как, по их словам, сегодня на рынке особый спрос на куриные яйца, то предложил им продать два ведра яиц, которые сейчас находятся в его бричке, а вырученную сумму поделить пополам – половину ему, половину им. Женщины сперва растерялись от такого предложения, а когда поняли, что это правда, – согласились...

Пошли все вместе к Петровой бричке, они взяли ведра и вернулись на рынок. Петр сказал, что после обеда сюда приедет, и отправился домой. Когда он прибыл на рынок, они сидели в тени дерева и о чем-то беседовали. Ведра из-под яиц стояли пустыми. Как и договаривались – поделили поровну яичную выручку, взаимно поблагодарили друг друга и расстались. Петр на прощание сказал, что если они не против, в следующую субботу он снова привезет какой-нибудь товар, да те же яйца, и еще что, может, появится. Женщины охотно согласились.

В следующую субботу все повторилось. Петр привез и яйца, и три или четыре жирных утки – их развелось уже достаточно много, и еще кое-что из продуктов.

Прошли сорок дней памяти Марии. И опять в субботу Петр, в третий уже раз, отправился на рынок с излишками продуктов. Его помощники-продавцы были уже на месте. «Время еще раннее, а они уже здесь – когда же они, бедные, сегодня поднялись и вышли из дома!» – невольно подумал Петр, передавая им товар. Приехав на рынок после обеда, он получил положенную выручку и сказал: «А теперь, девчата, я повезу вас домой! Хватит вам по полдня тратить на такую дорогу, да и жарко очень». Посадив растерявшихся женщин в бричку, он натянул брезентовый тент, защищавший от палящего

солнца, прыгнул в бричку сам и покатиł через шлях в сторону их села...

По дороге разговорились, и Петр уже через полчаса знал о них все, что ему было надо. А что там было знать – все по-крестьянски просто и однозначно. У Клавы, так звали девушку, были мама и старший брат – уже женатый, мальчика имеет, живет по обычаю в доме матери с женой и сыном. Клава уже несколько лет живет у тети Зины. Муж тети и отец Клавы были родными братьями, их дома стоят рядом. Но несколько лет тому назад в трех десятках верст от их села началась разработка марганцевых руд. По всем селам ходили агитаторы, приглашали на работу в шахты. Обещали хорошие зарплаты и льготы. Разработки вначале велись более чем примитивно, часто случались аварии и обвалы. Отец Клавы и его брат через несколько месяцев после начала работы были намертво погребены очередным обвалом. Их так и не нашли. Ни о каких компенсациях и помощи семьям погибших речь не шла...

Тетя Зина попросила маму Клавы, чтобы девушка пожила у неё, так как тете трудно, одиноко, да и страшно одной в доме. Кроме небольшого дома и такого же небольшого огорода, у них больше ничего нет, работы в селе (оплачиваемой) – тоже нет, вот они и вынуждены что-то собирать, продавать, кому-то помогать, чтобы как-то прожить...

Петр их внимательно слушал, сочувственно кивал и думал. Для себя он уже все решил... А как отнесутся к его решению они – Клава и её тетя?!

Когда приехали в село, подъехали к дому тети Зинаиды, выгрузились, попили воды, умылись и расселись на завалинке, Петр обратился к ним обеим: «Послушайте меня, уважаемые женщины. И вы, тетя, и ты, Клава! Надеюсь, вы меня правильно поймете. Я совсем недавно похоронил молодую жену. Как говорится, тело её

еще не остыло, и вроде бы мне не стоило этого вам сейчас говорить, тем более это делать! Но у меня нет другого выхода. На мне маленькая дочь, сирота без мамы, на мне хозяйство и вся еще, даст Бог, будущая жизнь, я же тоже еще молодой... Я не могу, не имею права все бросить, сидеть и плакать о любимой жене. Нет, я, мы – должны жить дальше, ради памяти той же незабвенной Марии, вдохнувшей новую жизнь в наш хутор. Я прошу вас обеих поехать со мной жить в наш дом. Навсегда. Ты, Клава, – в качестве жены, друга, родного человека, как тебе будет угодно. Вы же, тетя, – в качестве нашей второй матери! Что вы на это скажете?.. Я приму любое ваше решение, потому что уже считаю вас за родных людей!..» Петр даже взмок от напряжения и, опустив голову, ждал ответа...

Первой заговорила тетя Зина: «Спасибо тебе, Петя, что ты в нас поверил! Мы тебя понимаем, да и ты, наверное, нас тоже. Что тут много говорить... Думай что хочешь, но, как я понимаю, мы тебе сейчас гораздо нужнее, чем ты нам... При всей нашей бедности и беззащитности... И мы с дочкой – а Клава давно мне как дочь, при живой маме – тебе поможем. Обязательно. И, наверное, это будет правильно и перед людьми, и перед Богом, да и перед памятью твоей Марии – тоже. Ты что думаешь, Клава?» Покрасневшая от волнения и смущения девушка подняла глаза, посмотрела в лицо Петру и прошептала: «Я согласна».

Петр встал, поклонился им обеим, подошел к тете, поцеловал ей руки, потом подошел к Клаве, поцеловал её в лоб и проговорил: «Спасибо и – с Богом! Собирайте, что вам надо, зайдем к матери, поставим её в известность – и домой...»

Так все и сделали. К вечеру на Лебединском хуторе снова появилась жизнь. Трудная, но новая, и главное – Жизнь!

На второй день Петр показал женщинам все свое хозяйство и дал им понять, что с этого дня оно в их руках, и уже от них будет зависеть, каким оно будет в дальнейшем.

В течение нескольких дней Клава и тетя Зина сами, без подсказок Петра, разобрались с разделением труда по хозяйству – кто, что и когда будет делать, а уж как делать – они знали, просто до сих пор у них не было таких возможностей. Запущенная в связи с болезнью Марии усадьба на глазах принимала достойный вид по всем направлениям деятельности, и снова застучал молот в кузнице Петра Лебеда...

Спали все раздельно... Петр ни словом, ни жестом не приближался к Клаве ближе, чем можно при несупружеских отношениях. Они явно нравились друг другу, но ту условную черту не переходили. Относились друг к другу не как друзья, а больше похоже на отношения любящих сестры и брата...

Клава как-то сразу так ненавязчиво включилась во все действия, происходившие на усадьбе, в первую очередь организационного плана, а все технические, большие и мелкие, проблемы они решали с тетей Зиной. Петра в этот текущий водоворот не втягивали, он решал задачи внешних связей, снабжения и сбыта кузнечной продукции...

Каждую субботу Клава с тетей обязательно ездили на местный рынок, Петр им только бричку готовил – запрягал-выпрягал, все остальное они делали сами. И продукцию готовили на продажу, и реализовывали, и каждый раз приносили в дом и отдавали Петру какую-то копейку...

Клава была очень хорошей хозяйкой, как-то даже до неприличности аккуратной во всем. Она очень хорошо вышивала крестиком и гладью. Когда Петр привез ей из города целый рулон белой тонкой материи и целую кучу различных ниток для вышивания, она начала

делать такие вышиванки, скатерти, полотенца, занавески, что их не стыдно было вывозить на любой, не только сельский, рынок. Её рисунки-эскизы брал за образцы Петр при изготовлении художественных заказов на кованые изделия, и они очень нравились заказчикам. На хутор снова пришла жизнь. Клава стала энергетическим движущим центром. Петр смотрел иногда на неё и любовался: она была как Мария почти во всем, только... без Марии...

Месяца через три Клава зашла в спальню. Петр еще не спал, лежал, думал, что надо к дочке в город съездить. Соскучилась, наверное, да и он по ней тоже. Как там она переносит все на новом месте...

Клава подошла к кровати, тихо сказала: «Петя, подвинься. Так будет лучше». Разделась и легла рядом... Петр просто привлек её к себе и... поблагодарил за все сразу.

Утром сама Клава предложила ему поехать в город, поехать вместе и не просто проведать сестру и дочку, а взять Марию домой, пусть она к маме (так и сказала) привыкает. Что они и сделали.

На удивление всем, маленькая Маруся, увидев Клаву, сразу протянула к ней руки и назвала «мамой». Признала. Приехали домой, и с тех пор она все время хвостиком бегала за Клавой, все боялась, что она опять куда-то денется...

На хуторе стало еще больше жизни, детский смех целый день звучал во всех уголках, опять сложилась дружная рабочая счастливая семья, часы жизни которой, казалось, заведены по-настоящему и надолго...

И тут – пришло время Клаве рожать... Тетя Зина, как пожившая уже сельская женщина, что-то понимала в акушерстве, но когда посмотрела роженицу – поняла, что что-то не так. Сказала Петру. Он тут же привез сельского фельдшера. Тот тоже посмотрел и развел руками – надо доктора. А где его взять? Петр верхом

помчался в Никополь, нашел нужного доктора, заплатил, договорился, посадил верхом на коня, сказал, куда ехать, а сам побежал к Елене. Её муж запряг коня, и они втроем помчались за поскакавшим на хутор доктором. Когда они приехали на место, увидели страшную картину: доктор держал на руках новорожденную девочку, окровавленная бездыханная Клава лежала на столе в луже крови, тетя Зина лежала без сознания на лавке, а доктор одной рукой протирал ей виски и давал нюхать нашатырь...

Елена взяла из рук ошеломленного доктора новорожденную, начала с ней заниматься. Доктор вышел во двор, сел на лавку, обхватил голову окровавленными руками и все повторял: «Если хотя бы на пару часов раньше, всего на пару часов...»

Клаву похоронили рядом с Марией. Петр нашел в селе недавно родившую женщину. Молока у неё было достаточно, и она согласилась кормить Клаву (так называли маленькую) вместе со своей дочкой. Петр пару раз отвозил тетю Зину к той кормилице, а потом она сама стала ездить на бричке, Петр только запрягал-распрягал коня...

Время на Лебединском хуторе снова как бы остановилось. «Ну за что мне это все? – думал Петр – Павел без вести пропал, Марию свели в могилу, теперь вот Клаву Бог забрал... Ведь я никому ничего плохого не делал, наоборот, старался чем-то помочь тем, кто нуждался в этом. Может, и мало помогал, но у меня самого еще не так много есть. За что ты меня так, Господи?! Неужели та цыганка была права, когда я к ней заезжал перед поездкой в Крым?! И дочек маленьких уже две, а мамы у них – ни одной... А жить-то надо! Спасибо, хоть тетя Зина, бедная, старается, без неё вообще не знаю, чтобы было бы...»

Ну что же, придется снова начинать все сначала...

Внимание! Это ознакомительный фрагмент книги.

Если начало книги вам понравилось, [то полную версию можно приобрести у нашего партнёра - распространителя легального контента ООО "ЛитРес"](#).